

*Я. М. Плошкина***УЧЕНИЕ О ПОДОЗРЕНИИ В УГОЛОВНЫХ ПРОЦЕССАХ РОССИИ И ГЕРМАНИИ**

© Плошкина Яна Михайловна (ploshkina_yana@mail.ru), кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, **Юридический институт, Сибирский федеральный университет**, 660075, Российская Федерация, г. Красноярск, ул. Маерчака, 6.

Тема кандидатской диссертации: «Уголовная ответственность за незаконное прослушивание телефонных переговоров и аудио-, видеонаблюдение за жилищем по законодательству РФ и ФРГ». Автор 8 научных публикаций, ряд научных трудов написан в соавторстве: «Соотношение понятий «задержание» и «подозрение» в уголовном процессе России и Германии», «Заглаживание вреда деловой репутации юридического лица при примирении сторон в уголовном процессе». Автор осуществил перевод с немецкого языка учебников: Бойльке В. «Уголовно-процессуальное право ФРГ», Вессельс Й., Бойльке В. «Уголовное право ФРГ. Общая часть».

Область научных интересов: уголовное право и уголовный процесс РФ и ФРГ.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросу о понятии и сущности подозрения в уголовном процессе России и Германии. Исследованы точки зрения ученых-процессуалистов относительно понятия подозрения. В качестве сравнительно-правового исследования взята Германия, поскольку подозрение является центральным элементом всего немецкого уголовного процесса. В уголовно-процессуальном праве Германии учение о подозрении имеет исторически длительный период, поэтому его анализ в статье имеет значение для российского правоприменителя. Наличие подозрения в Германии является основанием для применения мер уголовно-процессуального принуждения, ведь только при констатации подозрения допустимо вмешательство со стороны органов уголовного преследования в конституционные права и свободы человека. Наличие подозрения необходимо для приобретения лицом процессуального статуса обвиняемого. Поэтому особый интерес представляют определение понятия начального подозрения, момент его возникновения, а также каким образом в каждом конкретном случае констатируется наличие начального подозрения. В статье рассмотрены элементы начального подозрения, а также выработанный немецкой судебной практикой и доктриной инструментарий для проверки наличия или отсутствия начального подозрения.

Ключевые слова: уголовный процесс, подозрение, обвинение, подозреваемый, обвиняемый, меры процессуального принуждения.

Цитирование. Плошкина Я. М. Учение о подозрении в уголовных процессах России и Германии // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 1. С. 36–43. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-1-36-43>.

Ya. M. Ploshkina

SUSPICION IN THE RUSSIAN AND GERMAN CRIMINAL PROCESSES

© Ploshkina Yana Michailovna (ploshkina_yana@mail.ru), Candidate of Legal Sciences, assistant professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Law Institute, Siberian Federal University, 6, Maerchaka Street, Krasnoyarsk, 660075, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Criminal responsibility for unlawful tapping of telephone conversations and audio-, video surveillance of a dwelling according to the legislation of Russia and Germany». Author of 8 scientific works, a number of scientific papers written in collaboration: «Correlation between the concepts of “detention” and “suspicion” in the criminal proceedings of Russia and Germany», «Restitution of the damage to the business reputation of a legal entity by the reconciliation of the parties in the criminal procedure». The author carried out the translation from German of textbooks: Beulke W. «Criminal Procedure Law of Germany», Beulke W., Wessels V. «Criminal Law of the Federal Republic of Germany. A common part».

Research interests: criminal law and criminal procedure of Russia and Germany.

ABSTRACT

The study deals with the concept of suspicion in the criminal procedure law of Russia and Germany. The suspicion is the central element of the whole of the German criminal process. The doctrine of suspicion has a long standing history in the criminal procedure law of Germany, so its analysis made by this research is of great importance to the Russian law enforcers. The presence of suspicion in Germany is the basis for the application of the measures of criminal procedural coercion, because the interference in constitutional rights and freedoms of a person from the criminal prosecution organs is permissible only when the suspicion is established. The suspicion is necessary for a person to acquire the procedural status of the accused. That is why the definition of the concept of initial suspicion, the moment it occurs, as well as the way every specific occasion states the initial suspicion availability are of particular interest. The article considers the elements of the initial suspicion and the tools, which are developed by the German judicial practice and doctrine, to verify the presence or absence of the initial suspicion.

Key words: criminal process, suspicion, accusation, initial suspicion, accused, measures of procedural coercion.

Citation. Ploshkina Ya. M. *Uchenie o podozrenii v ugovolnykh protsessakh Rossii i Germanii* [Suspicion in the Russian and German criminal processes]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 1, pp. 36–43. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-1-36-43> [in Russian].

Согласно ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. В силу ч. 2 ст. 55 Конституции РФ в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина. Следовательно, нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие различных участников уголовного судопроизводства, применение мер уголовно-процессуального принуждения, должны соответствовать конституционным положениям.

Однако анализ российского законодательства и юридической литературы позволяет утверждать, что действующее уголовно-процессуальное законодательство в части подозрения не в полной мере отвечает конституционному требованию обеспечения прав и законных интересов человека, оказавшегося под подозрением.

Подозрение играет ключевую роль в уголовном процессе. Именно возникновение подозрения

в отношении конкретного лица является основанием для появления в уголовном процессе такой фигуры, как подозреваемый. Наличие подозрения необходимо для применения мер уголовно-процессуального принуждения, поскольку только при констатации подозрения допустимо вмешательство со стороны органов уголовного преследования в конституционные права и свободы человека [1, с. 58]. Поэтому следует определиться с термином «подозрение».

Российский законодатель во многих статьях Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) оперирует подозрением. Однако легальной дефиниции подозрения в российском уголовно-процессуальном законодательстве нет. В связи с этим возникает неопределенность относительно содержания подозрения. Подозрение понимается в литературе в различных смыслах: в психологическом, криминалистическом и уголовно-процессуальном [2, с. 140]. Считаем, что подозрение как правовой институт следует рассматривать в уголовно-процессуальном смысле, поскольку по-

явление в уголовном процессе такого участника уголовного судопроизводства, как подозреваемый, обусловлено именно наличием подозрения. Но и в понимании подозрения в уголовно-процессуальном смысле среди научного сообщества нет единого мнения относительно сути подозрения, формы сведений, подтверждающих причастность лица к совершению преступления.

А. П. Аверченко понимает под подозрением «основанное на достаточных данных предположение органа расследования о причастности лица к преступлению, которое *официально объявлено лицу в соответствующей форме* и образует у него правовой статус подозреваемого» [3, с. 86]. Данное утверждение согласуется со случаями признания лица подозреваемым, закрепленными в ч. 1 ст. 46 УПК РФ. Вместе с тем при детальном их рассмотрении не все так однозначно. Так, проблематичным является момент возникновения в уголовном процессе подозреваемого при его задержании. Согласно п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ, подозреваемым является лицо, которое задержано в соответствии со ст. 91 и 92 УПК РФ. Получается, что лицо становится подозреваемым в результате задержания, т. е. лицо подозревают потому, что к нему применили уголовно-процессуальное задержание. Считаем, однако, что лицо становится подозреваемым в силу различных обстоятельств, поскольку в отношении него имеется подозрение о причастности данного лица к совершению преступления, и именно применение уголовно-процессуального задержания является следствием признания лица подозреваемым и наличия в отношении него подозрения, а не наоборот. Ведь, исходя из ч. 2 ст. 91 УПК РФ, целями задержания лица являются установление причастности или непричастности лица к совершению преступления либо наличие оснований для применения меры пресечения.

Кроме того, в ст. 92 УПК РФ предусмотрено, что в орган дознания или к следователю доставляется подозреваемый; защитник участвует в производстве по уголовному делу «с момента фактического задержания подозреваемого». Однако неясно, кто, когда, каким образом и в какой процессуальной форме признал данное лицо подозреваемым. В настоящее время остается неурегулированным вопрос о правовом статусе лица, задержанного на месте совершения преступления или после его совершения, когда не принято еще решение о возбуждении уголовного дела. В отдельных случаях задержанный, который в силу ст. 91 и 92 УПК РФ уже является подозреваемым, может таковым и не стать, например, при фактическом задержании лица выясняется, что задержание было незаконным и необоснованным (имеет место оговор со стороны потерпевшего, у задержанного есть алиби, злоупотребления со стороны правоохранительных органов при задержании) [4, с. 132]. Следовательно, в орган дознания или к следователю может быть принудительно доставлено лицо, не имеющее отношения к преступлению. В связи с этим неясно, каким образом задержанный в со-

ответствии со ст. 91 и 92 УПК РФ приобретает правовой статус подозреваемого. Кроме того, ст. 92 УПК РФ, предусматривающая, что в орган дознания или к следователю доставляется подозреваемый, не согласуется с презумпцией невиновности (ст. 49 Конституции РФ).

Одним из оснований появления в уголовном процессе фигуры подозреваемого является применение к лицу меры пресечения до предъявления обвинения в соответствии со ст. 100 УПК РФ (п. 3 ч. 1 ст. 46 УПК РФ). Но в ст. 97 и ст. 100 УПК РФ речь идет об избрании мер пресечения лицу, которое уже является подозреваемым. Согласно ч. 1 ст. 97 УПК РФ, дознаватель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий «вправе избрать подозреваемому одну из мер пресечения», предусмотренных УПК РФ, при наличии оснований, указанных в данной статье. В соответствии с ч. 1 ст. 100 УПК РФ в исключительных случаях при наличии оснований, закрепленных в ст. 97 УПК РФ, и с учетом обстоятельств, указанных в ст. 99 УПК РФ, «мера пресечения может быть избрана в отношении подозреваемого». Однако неясно, каким образом, кто, когда и в какой процессуальной форме признал лицо подозреваемым.

Таким образом, получается, что, исходя из буквального толкования ст. 46 УПК РФ, подозреваемый как самостоятельный участник уголовного судопроизводства появляется в уголовном процессе не благодаря наличию в отношении него подозрения о причастности данного лица к совершению преступления, а через применение мер процессуального принуждения [5, с. 40–44]. Однако это не согласуется с логикой предварительного расследования и с конституционным требованием о приоритете прав и свобод человека. Поэтому, на наш взгляд, следует уделить пристальное внимание понятию подозрения и его возможному законодательному определению, ведь именно благодаря подозрению появляется в уголовном процессе подозреваемый.

Другие ученые трактуют подозрение как «предположение органа предварительного расследования о совершении преступления определенным лицом, *основанное на доказательствах или данных, способных стать доказательствами*» [6, с. 109]. Подозрение в совершении преступления, например при задержании в соответствии со ст. 91 УПК РФ, имеет место только в случае наличия одного или нескольких оснований для задержания. Основания задержания подозреваемого (ст. 91 УПК РФ) – это не любого рода сведения, а информация, которая содержится в уголовно-процессуальных доказательствах [7].

Однако данная позиция не в полной мере согласуется с нормами действующего законодательства. Для выдвижения подозрения в совершении преступления части 1 и 3 ст. 223.1 УПК РФ требуют наличия *достаточных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления*. Полагаем, что российский законодатель, исходя

из природы подозрения в статье об уведомлении о подозрении в совершении преступления, для констатации подозрения не случайно ограничился наличием достаточных данных, а не доказательств.

В российской науке правовой институт подозрения рассматривается в контексте с институтом обвинения. В отличие от подозрения дефиниция обвинения предусмотрена в п. 22 ст. 5 УПК РФ: обвинение – утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном данным Кодексом. Институты подозрения и обвинения имеют общие черты. Так, подозрение и обвинение представляют собой тезис о причастности определенного лица к совершению преступления, подлежащий проверке и доказыванию в ходе предварительного расследования. Кроме того, сравнивая процессуальный статус подозреваемого и обвиняемого, получаем, что УПК РФ в ст. 46 и 47 наделяет данных субъектов практически идентичными правами и обязанностями.

Вместе с тем имеются и различия между подозрением и обвинением. Прежде всего отличие подозрения от обвинения заключается в степени обоснованности тезиса о причастности определенного лица к совершению преступления [8, с. 20–22]. Исходя из п. 22 ст. 5 УПК РФ, обвинение – утвердительный тезис, «формирование которого происходит в рамках уголовного преследования подозреваемого, тезис, знаменующий появление новой процессуальной фигуры – обвиняемого...» [9, с. 757]. Если исходить из понимания подозрения, предусмотренного в толковом словаре С. И. Ожегова, то *подозрение* трактуется как *предположение*, основанное на сомнении в правильности, законности чьих-нибудь поступков, в правдивости чьих-либо слов [10, с. 437]. На первоначальном этапе досудебного производства у органа, ведущего расследование, имеются в распоряжении сведения, позволяющие сделать, как правило, вероятностный, предположительный вывод о причастности лица к совершению преступления. В российской науке отмечается, что правовая природа подозрения заключается в том, что «мнение следователя о вероятной причастности конкретного лица к совершению преступления, выражающееся в подозрении, необходимо проверить для того, чтобы обосновать обвинительный тезис» [11, с. 10]. Российский законодатель в УПК РФ сформулировал определенную взаимосвязь подозрения и обвинения, указав на переход от подозрения к обвинению в отдельных случаях (например, ст. 100 УПК РФ закрепляет необходимость предъявления обвинения подозреваемому в течение 10 суток с момента избрания в отношении подозреваемого меры пресечения в виде заключения под стражу). Поэтому реализация положений УПК, содержащихся в ст. 100, влечет замену подозрения обвинением, а подозреваемого – обвиняемым [12, с. 110]. В российской науке отмечается, что в ходе расследования подозрение о причастности лица к совершению преступления может усилить-

ся до такой степени, что перейдет на новый уровень – обвинение. При этом необходимо акцентировать внимание на том, что подозрение как тезис о возможной причастности лица к совершенному преступлению не исчезает, а перерастает в обвинительный тезис, основанный на доказательствах причастности лица и, следовательно, усиленный этими доказательствами. В ином случае, если тезис о причастности (подозрение) не подтверждается, то лицо может приобрести процессуальный статус свидетеля либо вообще перестанет быть участником уголовного процесса [13, с. 172]. Следовательно, подозрение носит предположительный характер, а обвинение – утвердительный.

Следующее отличие подозрения от обвинения заключается в форме сведений, подтверждающих причастность лица к совершению преступления. В соответствии с ч. 1 ст. 171 УПК РФ постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого выносится при наличии *достаточных доказательств*, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления. Для констатации подозрения, в частности для составления письменного уведомления о подозрении в совершении преступления, в силу ч. 1 и 3 ст. 223.1 УПК РФ требуется наличие *достаточных данных*, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления. Таким образом, при предъявлении обвинения сведения, подтверждающие причастность лица к совершению преступления, должны иметь форму доказательств, в то время как подозрение может обосновываться также достаточными данными, поскольку приобретение лицом статуса подозреваемого обусловлено решениями, к моменту вынесения которых в распоряжении органа предварительного расследования может и не быть доказательств (например, при возбуждении уголовного дела, задержании подозреваемого) [8, с. 20–22]. Поэтому и основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РФ).

С учетом изложенного выше представляется интересной позиция А. А. Великопольской, которая под подозрением понимает предположение должностных лиц органов предварительного расследования о причастности лица к совершению преступления, основанное на достаточных данных и образующее процессуальную деятельность избличительного характера, направленную на установление оснований вовлечения лица в уголовное судопроизводство в качестве подозреваемого [5, с. 40–44]. Однако считаем необходимым закрепить в уголовно-процессуальном законе порядок выдвижения подозрения. В связи с этим, на наш взгляд, заслуживающей внимания является позиция И. С. Дикарева, который предлагает в ст. 5 УПК РФ закрепить следующее определение подозрения: «...подозрение – это основанное на достаточных данных предположение о причастности лица к совершению деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленным

уголовно-процессуальным законодательством» [8, с. 20–22]. Данное определение побудит российского законодателя установить в УПК РФ порядок выдвижения подозрения для признания лица подозреваемым. Кроме того, ни в российской доктрине, ни в законодательстве, ни в судебной практике не проработаны вопросы: когда, на основании чего следует констатировать подозрение и когда оно перерастает в обвинение.

Предлагаем обратиться к зарубежному опыту, в частности к Германии. Российский и германский уголовные процессы относятся к континентальной уголовно-процессуальной модели. Сравнивая российскую систему с другими федеративными государствами, видим, что наиболее близкой для РФ сегодня является немецкая. Германское право оказало значительное влияние на формирование российского, в том числе и на становление российского уголовного процесса. В настоящее время уголовно-процессуальная модель Германии является одной из наиболее влиятельных, она добылась в геополитическом смысле наиболее заметного прогресса [13, с. 90, 118].

В немецкой уголовно-процессуальной доктрине и судебной практике учение о подозрении очень развито. Подозрение пронизывает весь немецкий уголовный процесс. Так, наличие начального подозрения выступает материальным основанием для производства предварительного расследования, которое в немецком уголовном процессе проводится в форме дознания (§ 152 II, § 160 I Уголовно-процессуального кодекса ФРГ, далее – УПК ФРГ). В связи с этим отдельные авторы рассматривают подозрение как центральный элемент уголовного процесса ФРГ, поскольку наличие подозрения означает не только начало уголовно-процессуального расследования, но и его отсутствие обязывает прокуратуру немедленно прекратить начатое расследование уголовного дела (§170 II УПК ФРГ) [14, с. 85]. Наличие подозрения требуется для применения мер уголовно-процессуального принуждения, поскольку только при констатации подозрения допустимо вмешательство со стороны органов уголовного преследования в конституционные права и свободы человека [15, с. 183].

Предварительное расследование в уголовном процессе ФРГ осуществляется в форме дознания. В отличие от российского процесса, для которого характерна высокая степень формализации многих процедур, германский уголовный процесс незнаком с такими процессуальными документами, как постановление о возбуждении уголовного дела и постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого. Кроме того, в уголовном процессе Германии нет такого самостоятельного участника уголовного судопроизводства, как подозреваемый. Как только органы, осуществляющие предварительное расследование, применяют к лицу меры принуждения или проводят либо планируют провести следственные или иные процессуальные действия, направленные на уголовное преследование данного лица, то такое лицо признается обви-

няемым [16, с. 39]. В связи с этим даже процедура выяснения личности, проводимая в рамках § 163b УПК ФРГ, обосновывает появление в уголовном процессе фигуры обвиняемого и запускает механизм реализации его прав. Исключением может быть лишь случай, когда у органов, осуществляющих уголовное преследование, после выяснения личности нет достаточных оснований, обосновывающих подозрение в отношении лица, однако в таком случае лицо не является участником уголовного судопроизводства [16, с. 189]. Появление обвиняемого (*Beschuldigte*) в уголовном процессе Германии связано с применением мер принуждения, которые могут быть применены только к обвиняемому, а также с вызовом на допрос в качестве обвиняемого, где перед началом допроса лицу разъясняются, какое деяние вменяется ему в вину, а также его процессуальные права (§ 136 УПК ФРГ).

В уголовном процессе Германии отсутствует подозреваемый как самостоятельный участник уголовного судопроизводства с собственным набором прав и обязанностей, в отношении которого могут проводиться следственные и иные процессуальные действия и к которому применяются меры процессуального принуждения. Однако термин *Verdächtiger*, буквально означающий «подозреваемый», в уголовно-процессуальной науке и в УПК ФРГ встречается. Упоминание в УПК ФРГ понятия «подозреваемый» связано непосредственно с институтом подозрения и определенными особенностями законодательной техники, когда лицо, в отношении которого проводится, например, задержание, именуется подозреваемым в совершении преступления, при этом наделяя его статусом обвиняемого уже с момента первого его допроса. В юридической доктрине отмечается, что понятие «подозреваемый» предполагает наличие вероятности того, что лицо совершило уголовно наказуемое деяние, вследствие чего в отношении него может быть начато уголовное расследование [16, с. 153]. Немецкие ученые, комментируя отдельные параграфы УПК ФРГ, отмечают, что «подозреваемым» в указанном выше смысле может считаться также обвиняемый, лицо, в отношении которого предъявлено публичное обвинение (то есть *Angeschuldigte*), подсудимый и осужденный. Подозреваемый может существовать также и за рамками уголовного процесса, например, лицо именуется подозреваемым на этапе проведения полицией оперативно-розыскных мероприятий [14, с. 188].

Несмотря на отсутствие в уголовном процессе Германии подозреваемого как самостоятельного участника уголовного судопроизводства, учению о подозрении в Германии уделено значительное внимание. В соответствии с господствующей позицией Верховного Суда ФРГ и доктрины под подозрением в совершении преступления понимается волевой акт органа, осуществляющего уголовное преследование, в котором выражена его позиция об осуществлении уголовного преследования в отношении обвиняемого лица [15, с. 79].

Согласно немецкой уголовно-процессуальной доктрине и преобладающей в практике Верховного Суда ФРГ точке зрения, необходимо констатировать наличие подозрения, то есть волеизъявления органа об осуществлении уголовного преследования в отношении обвиняемого, когда начинается формальный уголовный процесс в отношении обвиняемого, когда лицо допрашивают в качестве обвиняемого, когда органы, осуществляющие уголовное преследование, применяют к лицу меры процессуального принуждения, проводят мероприятия, производство которых допустимо только в отношении обвиняемого, например кратковременное задержание (§127 II УПК ФРГ), заключение под стражу (§112 УПК ФРГ), проведение мероприятий, направленных на идентификацию личности (взятие пробы крови, снятие отпечатков пальцев – § 81a и § 81b УПК ФРГ) [15, с. 79].

В связи с этим возникают вопросы: когда следует констатировать наличие подозрения в отношении лица и, как следствие, приобретение им процессуального статуса обвиняемого; как долго лицо, в отношении которого у органов уголовного преследования сформировалось мнение о его причастности к совершению преступления, может не наделяться процессуальным статусом обвиняемого и, соответственно, не приобретать права обвиняемого, а с его участием могут проводиться мероприятия, предшествующие предварительному расследованию. Подобная ситуация часто возникает при так называемых спонтанных высказываниях (то есть высказываниях, полученных без проведения опроса со стороны уполномоченного на осуществление уголовного преследования органа), а также при информационном опросе граждан (органы уголовного преследования активны, хотя у них отсутствует еще конкретное подозреваемое лицо, но имеется факт совершения преступления, например, при непосредственном прибытии ими на место преступления с целью выяснения обстоятельств случившегося). В данном случае речь не идет еще о допросе, поэтому и нет обязанности разъяснять права допрашиваемых лиц. Однако существует неоднозначное понимание и в науке, и в судебной практике относительно возможности последующего использования полученных в ходе спонтанных высказываний и информационных опросов данных в уголовном процессе.

Доктрина и судебная практика признают, что все данные, полученные в ходе спонтанных высказываний лица без проведения опроса со стороны органов уголовного преследования, допустимо использовать в неограниченном объеме. Однако относительно возможности использования в уголовном процессе данных, полученных в процессе информационного опроса, нет единства. Согласно одной точке зрения, высказывания лица, полученные в рамках допустимых информационных опросов, следует оценивать так же, как показания лица, полученные в ходе допроса, поскольку органы уголовного преследования, проводя опрос, инициируют опрашиваемое лицо на высказыва-

ния. Поэтому полученные в ходе опроса сведения недопустимо использовать в уголовном процессе, так как допрашиваемому лицу не были разъяснены его права. Но в соответствии с преобладающей в судебной практике позицией данные, полученные в ходе информационного опроса, возможно использовать в уголовном процессе [15, с. 83]. Это объясняется наличием своеобразной презумпции, согласно которой лицо, дающее показания в ходе информационного опроса, делает это добровольно и сознательно; оно не обязано давать показания. Однако подобная позиция с точки зрения права на защиту представляется спорной.

Судебная практика и уголовно-процессуальная наука исходят из того, что орган уголовного преследования обязан объявить подозреваемое лицо обвиняемым, если существующие в отношении него предположения о причастности данного лица к совершению преступления усиливаются до объективно существующего в отношении него начального подозрения в совершении преступления [15, с. 79]. В соответствии с § 152 II УПК ФРГ прокуратура обязана начать предварительное расследование при наличии «достаточных фактических данных». В теории и практике уголовного процесса этот момент принято обозначать начальным подозрением [17, с. 43]. Согласно §160 I УПК ФРГ, как только прокуратуре из заявлений или другим путем стало известно о подозрении в совершении уголовно наказуемого деяния, она обязана исследовать обстоятельства дела для решения вопроса о предъявлении государственного обвинения.

Начальное подозрение – это совокупность конкретных фактических данных, которые, учитывая криминалистический опыт, позволяют сделать вывод о возможном участии лица в уголовно наказуемом деянии. Для обоснования начального подозрения требуется достаточная совокупность конкретных фактических данных, которые отражают возможность, вероятность совершения указанным лицом преступления. В литературе отмечается, что начальное подозрение для того, чтобы оправдать вмешательство в права обвиняемого, неизбежное в ходе предварительного расследования, должно содержать в себе два момента: данные, на которых основывается подозрение, должны быть, во-первых, фактическими, а во-вторых, достаточными. Только при наличии обоих моментов данные, которые сами по себе едва ли могли обосновать что-то большее, нежели догадки и предположения, становятся начальным подозрением. При этом данные будут считаться фактическими, если они основываются на фактах, то есть на конкретных событиях прошлого, непосредственно связанных с совершенным или еще не оконченным уголовно наказуемым деянием, и при этом могут быть доказаны доступными средствами; данные могут считаться достаточными, если они отражают возможность совершения уголовно наказуемого деяния [18, с. 164]. Предположения, основанные на профессиональном и жизненном опыте лица, осуществляющего уголовное пре-

следование, без конкретных фактических обстоятельств, подтверждающих гипотезы, сами по себе недостаточны для констатации начального подозрения [19, с. 21]. Тем не менее нельзя упускать из вида тот факт, что предположения, гипотезы как таковые не появляются «ниоткуда»; они всегда имеют под собой определенную основу, что влечет за собой их частое преобразование в начальное подозрение в связи с обнаружением дополнительных фактических обстоятельств.

При решении вопроса о достаточной совокупности фактических данных, необходимых для установления начального подозрения и, соответственно, для начала осуществления предварительного расследования, прокуратура как орган уголовного преследования обладает дискрецией, то есть определенной свободой усмотрения, поскольку подозрение, в том числе начальное, является оценочным понятием. Всякая свобода усмотрения заканчивается там, где начинается произвол органов, осуществляющих предварительное расследование, например проводящих определенные следственные действия лишь на основании догадок и предположений [20, с. 10].

В качестве инструментария для проверки наличия или отсутствия начального подозрения немецкой уголовно-процессуальной наукой и судебной практикой была выработана конструкция так называемого «постороннего наблюдателя». Согласно этой конструкции, в основу расследования должно быть положено такое подозрение или такая совокупность конкретных фактических данных, которые являются достаточными с точки зрения любого профессионального дознавателя, и это может быть перепроверено путем замены результатов индивидуальных умственных усилий конкретного лица на третье в сравнимой ситуации [18, с. 56].

Таким образом, подозрение играет ключевую роль в уголовном процессе и России, и Германии, выступая основанием для начала предварительного расследования, для применения мер уголовно-процессуального принуждения. Не только немецкая уголовно-процессуальная доктрина, но и судебная практика, законодатель при производстве по уголовному делу ориентируются на учение о подозрении. Полагаем возможным использовать немецкий опыт при разработке в российской уголовно-процессуальной доктрине учения о подозрении, о моменте его возникновения, полагаем возможным воспользоваться конструкцией «постороннего наблюдателя» для проверки наличия или отсутствия подозрения.

Библиографический список

1. Зайцев О. А., Смирнов П. А. Подозреваемый в уголовном процессе. М.: Экзамен, 2005. 320 с.
2. Ларин А. М. От следственной версии к истине. М.: Юрид. лит., 1976. 200 с.
3. Аверченко А. П. Подозреваемый и реализация его прав в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид.

наук. Томск, 2001. 239 с. URL: <http://lawbook.org.ua/aa/12.00.09/2016/03/19/030327006.doc.html>.

4. Руднев В. И. Статус задержанного как нового участника уголовного судопроизводства // Журнал российского права. 2017. № 4. С. 130–137. DOI: 10.12737/article.58e39e947904.47472178.

5. Великопольская А. А. Подозреваемый и способы легализации подозрения на досудебной стадии уголовного процесса России // Российский судья. 2016. № 1. С. 40–44. URL: <http://lawinfo.ru/catalog/contents-2016/rossijskij-sudja/1>.

6. Терегулова А. А. Понятия «подозрение» и «подозреваемый» в современном уголовном процессе // Наука. Технологии. Инновации: материалы всероссийской науч. конф. молодых ученых: в 7 ч. Ч. 7. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2008. С. 109–111.

7. Рыжаков А. П. Задержание по подозрению в совершении преступления. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». 2010.

8. Дикарев И. С. Подозрение в уголовном процессе // Законность. 2013. № 8. С. 20–22.

9. Барабаш А. С. Соотношение обвинения и уголовного преследования // Актуальные проблемы юридической науки: тез. докл. всерос. науч.-практ. конф. / Краснояр. гос. ун-т Юрид. ин-т; отв. ред. А. Н. Тарбогаев. Красноярск: РУМЦ ЮО, 2005. С. 756–762.

10. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой; АН СССР, Ин-т рус. яз. 21-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1989. 921 с.

11. Петров И. В. Теоретические и практические аспекты подозрения в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 22 с. URL: <http://www.dslib.net/kriminal-process/theoreticheskie-i-prakticheskie-aspekty-podozrenija-v-ugolovnom-processe-rossii.html>.

12. Сопнева Е. В. Статусы подозрения и обвинения в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2015. № 7. С. 105–113. DOI: 10.12737/11757.

13. Курс уголовного процесса / кол. авт. под ред. Л. В. Головки. М.: Статут, 2016. 1278 с. URL: <http://be5.biz/pravo/u010/index.html>.

14. Heger M. Strafprozessrecht. Stuttgart, 2013. 188 p.

15. Бойльке В. Уголовно-процессуальное право ФРГ: учебник для студентов юридических факультетов / пер. с нем. Я. М. Плоскиной / под ред. Л. В. Майоровой. Красноярск: РУМЦ ЮО, 2004. 352 с.

16. Löwe/Rosenberg. Die Strafprozeßordnung und das Gerichtsverfassungsgesetz. 25. Auflage. De Gruyter, 2016. 299 p.

17. Schroeder F. C. Strafprozessrecht. München: C. H. Beck, 2014. 298 p.

18. Forkert-Hosser S. Vorermittlung im Strafprozessrecht: Erhebung und Verwendung von Daten vor dem Anfangsverdacht. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2011. 399 p.

19. Haas G. Vorermittlungen und Anfangsverdacht. Berlin: Duncker & Humblot, 2003. 109 p.

20. Putzke H., Scheinfeld J. Strafprozessrecht. München: C. H. Beck, 2013. 226 p.

References

1. Zaitsev O. A., Smirnov P. A. *Podozrevaemyi v ugolovnom protsesse* [Suspect in criminal proceedings]. M.: Ekzamen, 2005, 320 p. [in Russian].

2. Larin A. M. *Ot sledstvennoi versii k istine* [From the investigative lead to the verity]. M.: Yurid. lit., 1976, 200 p. [in Russian].
3. Averchenko A. P. *Podozrevaemyi i realizatsiya ego prav v ugovnom protsesse: dis. ... kand. yurid. nauk* [The suspect and the exercise of his rights in the criminal proceedings: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Tomsk, 2001. 239 p. Available at: <http://lawbook.org.ua/aa/12.00.09/2016/03/19/030327006.doc.html> [in Russian].
4. Rudnev V. I. *Status zaderzhannogo kak novogo uchastnika ugovnogo sudoproizvodstva* [Status of a Detainee as a New Participant in Criminal Proceedings]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2017, no. 4, pp. 130–137. DOI: 10.12737/article58e39ece947904.47472178 [in Russian].
5. Velikopolskaya A. A. *Podozrevaemyi i sposoby legalizatsii podozreniya na dosudebnoi stadii ugovnogo protsessa Rossii* [The Suspected and Ways of Legalizing Suspicion at the Pre-judicial Stage of the Criminal Trial in Russia]. *Rossiiskii sud'ya* [Russian Judge], 2016, no. 1, pp. 40–44. Available at: <http://lawinfo.ru/catalog/contents-2016/rossijskij-sudja/1/> [in Russian].
6. Teregulova A. A. *Ponyatiya «podozrenie» i «podozrevaemyi» v sovremennom ugovnom protsesse* [Concepts «suspicion» and «suspect» in the modern criminal process]. In: *Nauka. Tekhnologii. Innovatsii: materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii molodykh uchennykh v 7 chastyakh* [Science. Technologies. Innovations: materials of the all-Russian scientific research conference of young scientists: in 7 parts]. Part 7. Novosibirsk: Izd-vo NGTU, 2008, pp. 109–111 [in Russian].
7. Ryzhakov A. P. *Zaderzhanie po podozreniyu v sovershenii prestupleniya* [Detention on suspicion of committing a crime]. Access from *Legal Reference System «ConsultantPlus»*, 2010 [in Russian].
8. Dikarev I. S. *Podozrenie v ugovnom protsesse* [Suspicion in criminal proceedings]. *Zakonnost*, 2013, no. 8, pp. 20–22. Available at: <http://pressa-lex.ru/wp-content/uploads/2014/01/08-2013a.html#z2> [in Russian].
9. Barabash A. S. *Sootnoshenie obvineniya i ugovnogo presledovaniya* [Ratio of charge and criminal prosecution]. In: *Aktual'nye problemy yuridicheskoi nauki: tez. dokl. vseros. nauch.-prakt. konf. Krasnoyar. gos. un-t Yurid. in-t; otv. red. A. N. Tarbogaev* [Topical issues of legal science: abstracts of All-Russian research and practical conference. Krasnoyarsk State University Legal Institute; A. N. Tarbogaev (Ed.)]. Krasnoyarsk: RUMTs YuO, 2005, pp. 756–762. Available at: <https://pandia.ru/text/78/277/90211.php> [in Russian].
10. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka. Pod red. N. Yu. Shvedovoi; AN SSSR, In-t rus. yaz. 21-e izd., pererab. i dop.* [Dictionary of the Russian language. N. Yu. Shvedova (Ed.); Academy of Sciences of the SSSR, Institute of the Russian Language. 21st edition, revised and enlarged]. M.: Rus. yaz., 1989, 921 p. [in Russian].
11. Petrov I. V. *Teoreticheskie i prakticheskie aspekty podozreniya v ugovnom protsesse Rossii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Theoretical and practical aspects of suspicion in the criminal proceedings of Russia: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Krasnodar, 2012, 22 p. Available at: <http://www.dslib.net/kriminal-process/teoreticheskie-i-prakticheskie-aspekty-podozreniya-v-ugovnom-processse-rossii.html> [in Russian].
12. Sopneva E. V. *Statusy podozreniya i obvineniya v ugovnom sudoproizvodstve* [Suspicion and Charge Statuses in Criminal Remedial Activities]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2015, no. 7, pp. 105–113. DOI: 10.12737/11757 [in Russian].
13. *Kurs ugovnogo protsessa. Kollektiv avtorov pod red. L. V. Golovko* [Course of the criminal process. Team of authors, edited by L.V. Golovko]. M.: Statut, 2016, 1278 p. Available at: <http://be5.biz/pravo/u010/index.html> [in Russian].
14. Heger M. *Strafprozessrecht*. Stuttgart, 2013, 188 p. [in Deutsch].
15. Boyl'ke V. *Ugovno-protsessual'noe pravo FRG. Uchebnik dlya studentov yuridicheskikh fakultetov. Per. s nem. Ya. M. Ploshkinoi. Pod red. L. V. Maiorovoi* [Criminal procedure law of Germany. Textbook for students of Law Faculties. Translated from German by Ya. M. Ploshkina. L. V. Mayorova (Ed.)]. Krasnoyarsk, 2004. 352 c. [in Russian].
16. Löwe/Rosenberg. *Die Strafprozeßordnung und das Gerichtsverfassungsgesetz*. 25. Auflage. De Gruyter, 2016, 299 p. [in Deutsch].
17. Schroeder F. C. *Strafprozessrecht*. München: C. H. Beck, 2014, 298 p. [in Deutsch].
18. Forkert-Hosser S. *Vorermittlung im Strafprozessrecht: Erhebung und Verwendung von Daten vor dem Anfangsverdacht*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2011, 399 p. [in Deutsch].
19. Haas G. *Vorermittlungen und Anfangsverdacht*. Berlin: Duncker & Humblot, 2003, 109 p. [in Deutsch].
20. Putzke H., Scheinfeld J. *Strafprozessrecht*. München, C. H. Beck, 2013, 226 p. [in Deutsch].